

ЭКЗЕГЕТИКА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

ИДЕЙНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТОЛКОВАНИЙ БЛЖ. АВГУСТИНА НА ИЗБРАННЫЕ ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ПРИТЧИ

Иеромонах Филофей (Артюшин)

доктор богословия (ThD)
доцент кафедры библеистики
Московской духовной академии
проректор по воспитательной работе
Тульской духовной семинарии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
artyushins@yandex.ru

Для цитирования: Филофей (Артюшин), иером. Идеюное своеобразие толкований блж. Августина на избранные Евангельские притчи // Библейские схолии. 2022. № 2 (3). С. 145–172. DOI: 10.31802/BSCH.2022.3.2.008

Аннотация

УДК 27-273

На основании экзегетического анализа одной из проповедей блж. Августина (sermo 111) в статье реконструируется историческая ситуация и богословский контекст употребления в латинской экзегетической традиции таких евангельских притч, как: притча о закваске (Лк. 13, 21–23), о горчичном зерне (Лк. 13, 19), о сеятеле (ср. Ин. 12, 24), о пшенице и плевелах (Мф. 13, 30). В результате проведенного исследования было установлено, что блж. Августин как толкователь Священного Писания следует в русле современной и предшествовавшей ему традиции, но наполняет общеизвестные сравнения, метафоры и аллегории новым — по преимуществу полемическим — смыслом и пафосом. В полемике с донатистами образ Церкви как Тела Христова и плодородной нивы, в которой смешаны между собой пшеница (верные чада Церкви) и плевелы (еретики), становится для проповедника важнейшим орудием в защиту традиционного — подлинно библейского — учения: на примере герменевтики, экклезиологии и сакраментологии.

Ключевые слова: проповедь, Евангелие от Луки, притчи, Церковь, Тело Христово, закваска, нива, зерно, плевелы, донатизм, экзегетика, герменевтика, экклезиология, сакраментология.

The Ideological Originality of the Interpretations of Saint Augustine on Selected Gospel Parables

Hieromonk Philotheus (Artyushin)

ThD in Theology

Associate Professor at the Department of Biblical Studies

at the Moscow Theological Academy

Vice-Rector for Educational Work

at the Tulsкая Theological Seminary

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141300, Russia

artyushins@yandex.ru

For citation: Artyushin, Philotheus A., hieromonk. "The Ideological Originality of the Interpretations of Saint Augustine on Selected Gospel Parables". *Biblical Scholia*, № 2 (3), 2022, pp. 145–172 (in Russian). DOI: 10.31802/BSCH.2022.3.2.008

Abstract. Based on an exegetical analysis of one of the sermons of the saint (sermo 111), the article reconstructs the historical situation and theological context of the use in the Latin exegetical tradition of such gospel parables as: the parable of the leaven (Lk. 13, 21–23), about mustard grain (Lk. 13, 19), about the sower (cf. Jn. 12, 24), about wheat and chaff (Mt. 13, 30). As a result of the study, it was found that saint Augustine, as an interpreter of the Holy Scriptures, follows in line with the modern and preceding tradition, but fills well-known comparisons, metaphors and allegories with a new – mainly polemic – meaning and pathos. In a polemic with the Donatists, the image of the Church as the Body of Christ and a fertile niva (field), in which wheat (faithful children of the Church) and chaff (heretics) are mixed among themselves, becomes for the preacher the most important tool in defense of traditional – truly biblical – teachings: on the example of hermeneutics, ecclesiology and sacramentology.

Keywords: sermon, the Gospel of Luke, parables, the Church, the Body of Christ, leaven, field, grain, chaff, donatism, exegetics, hermeneutics, ecclesiology, sacramentology.

Проступая к рассмотрению экзегетического наследия блж. Августина и памятуя о знаменательной дате — 1600-летию со дня кончины блж. Иеронима Стридонского, укажем вначале на тесные взаимосвязи, имеющиеся между этими двумя выдающимися и необыкновенно плодовитыми латинскими авторами, учителями Западной Церкви. По меткому замечанию голландского патролога Антона Бастиансена (A. Bastiaensen), «вопреки всем недоразумениям и различиям во мнениях, Августин всегда признавал в Иерониме своего начальника и учителя в области экзегезы, имеющей своим предметом Священное Писание».

Исходя из слов письма, отправленного им блж. Иерониму приблизительно в 415 г., а именно: «*Doce quod doceam*», — сам Августин даёт понять, что чувствует себя перед Иеронимом в долгу за те знания, которые он от него получил; он активно использовал их как в своей проповеднической деятельности, так и в прениях с еретиками и схизматиками.

Именно полемический контекст проповедей блж. Августина взят нами во внимание в данном исследовании, в повествовательную и смысловую канву которого мы будем, вслед за проповедником, вплетать евангельские притчи. С точки зрения методологии, мы применяем комплексный подход, стараясь, в первую очередь, проследить логическую нить экзегетических построений автора; а затем уже дать им объяснение и богословскую трактовку в общем контексте святоотеческой экзегезы. Преимущественным методологическим вектором здесь будет сравнительный анализ, причём сразу же подчеркнём, что в ракурс нашего исследования входят избранные святоотеческие комментарии — латинских авторов, по преимуществу, — обнаруживающие сходство с толкованиями блж. Августина. Тем не менее приоритетным направлением проводимого нами анализа будет именно выявление оригинального авторского замысла и идейного своеобразия одной из необыкновенно ярких проповедей святого — «*sermo 111*». На её основании составлена экзегетическая панорама толкований блж. Августина на избранные евангельские притчи: её презентации и всестороннему анализу и посвящено данное исследование.

1. Критика текста

Предварим наш анализ краткой текстологической справкой. Проповедь, или *sermo* 111¹, имеющая своим заглавием: «О словах Евангелия (Лк. 13, 21–23), где говорится, что Царство Божие *подобно закваске, которую женщина, взяв, сокрыла в трех мерах муки*² и прочее», — входит в состав корпуса «*Sermones de Scripturis Veteri et Novi Testamenti*»³. Французский учёный-августинист, бенедиктинец Сирил Ламбо (С. Lambot), при публикации её текста взял за основу Парижскую рукопись⁴. Интересны выводы, сделанные им в процессе текстологического анализа. Прежде всего, исследователь установил, что в мауринском издании⁵ текст проповеди почти наполовину короче, чем в указанной рукописи! Сравнивая эти два источника и восполняя недостающий в первом материал, он находит, что заглавие, данное исследуемой проповеди (*sermo* 111) предшествующими издателями, не вполне соответствует её содержанию, так как речь в ней идёт не только о закваске (Лк. 13, 21), но и о горчичном зерне — эту притчу мы находим в Евангелии двумя стихами ранее (см. Лк. 13, 19–20). Стоит также заметить, что притча о горчичном зерне, в свою очередь, указывает на связь данной проповеди с предыдущей⁶; в ней развиваются схожие темы.

- 1 Издания этой проповеди — следующие: *Augustinus Hipponensis. Sermo 111 // PL. 38. Col. 641–643; PLS. 2. Col. 810–812; Lambot C. Le sermon CXI de Saint Augustin // Revue Bénédictine. 1947. № 57. P. 112–116.* (В критических изданиях также используется её сокращённое обозначение: Lambot 18). PLS частично воспроизводит издание Lambot 18. В нашем исследовании мы используем текст критического издания С. Ламбо.
- 2 Ср. латинский текст цитаты, приводимой в мауринском издании в качестве заглавия проповеди: «[Regnum Dei est] simile fermento quod acceptum mulier abscondit in farinae sata tria» (*Lambot C. Le sermon CXI de Saint Augustin. P. 110*). См. ниже: сн. 8.
- 3 Всё необыкновенно обширное гомилетическое наследие блж. Августина можно достаточно условно подразделить на четыре основных группы: проповеди, посвящённые толкованию Священного Писания («De Scripturis»: 1–183), литургическим праздникам («De Temporibus»: 184–272/B), памяти святых («De Sanctibus»: 273–340/A) и различным вопросам («De Variis»: 341–396).
- 4 Обозначение указанной рукописи в критическом издании С. Ламбо — следующее: Paris, Bibl. Nat., nouv. acq. lat. 1449, fol. 62–63.
- 5 Издание, выполненное монахами-бенедиктинцами в 1679–1699 гг. и послужившее источником для всех последующих изданий, включая *Patrologia Latina* Ж.-П. Миня (PL).
- 6 Текст критического издания этой проповеди (*sermo* 110) опубликован в следующей статье: *Morin G. Deux nouveaux sermons retrouvés de Saint Augustin // Revue Bénédictine. 1924. Vol. 36. P. 194–198.* (В критических изданиях также используется её сокращённое обозначение: Morin 13).

Также С. Ламбо обращает внимание на некоторые стилистические особенности текста рассматриваемой проповеди в мауринском издании: несвойственный Августину *exordium*⁷, обрывочные фразы, вырванные из контекста; недосказанность. Всё это служит для него подтверждением собственной идеи о принадлежности изданного им отрывка к рассматриваемой проповеди. Таким образом, текст критического издания С. Ламбо (С. Lambot) опирается на мауринское издание (*sermo 111*), которое редактируется и помещается автором в смысловую канву другого, близкого по содержанию, текста (*sermo 110*)⁸.

2. Экзегетическая панорама проповеди (*sermo 111*)

Прояснив немаловажные вопросы текстуальной критики, мы можем плавно перейти к содержанию самой проповеди. Заметим, что в основе нашего тематического анализа лежит перевод данной проповеди на русский язык, который будет цитироваться в тексте исследования. С самых первых строк этого эмоционального и преисполненного метафорической экспрессии монолога становится понятно, что под закваской Августина однозначно понимает Церковь Христову, стремительно распространившуюся по всему миру. Той же цели служит сравнение ее с горчичным зерном. На протяжении всей проповеди становится так же понятно, что сравнение с закваской и горчичным зерном в равной мере характеризует и образ Христа⁹, Стоящего во главе Церкви как Тела Христова:

«Пусть же говорит Церковь Христова, пусть говорит католическая Матерь Церковь; пусть говорит Тело Того, Кто восшёл на небо, — её Глава. Тело святое, Тело, состоящее из многих частей...»¹⁰.

- 7 «Tres mensurae totum genus humanum est» (*sermo 111, 1* (ed. Patrum Maurinorum); в издании С. Ламбо этот текст также приводится: *Augustinus Hipponensis. Sermo 111, 2 // Lambot C. Le sermon CXI de Saint Augustin. P. 114*). Ср. близкий по значению вариант: «Arbor ficulnea, genus humanum est» (*Augustinus Hipponensis. Sermo 110, 1 // Morin G. Deux nouveaux sermons retrouvés de Saint Augustin. P. 194*).
- 8 Подробнее об этом см. в статье: *Verbraken P.-P. Les fragments conservés de sermons perdus de saint Augustin // Revue Bénédictine. 1974. Vol. 84. P. 245–270*.
- 9 Ср. следующие цитаты, относящиеся соответственно к Церкви и ко Христу: «cecidit in terra unum granum, et fecit copiosissimum fructum»; «quam magnitudinem in pendente, in crucifixo? Pendens cum pendente, fixus in manente cognouit quia granum sinapis erat (cf. Lc. 13, 19)» (*Augustinus Hipponensis. Sermo 111, 2 // Lambot C. Le sermon CXI de Saint Augustin. P. 112, 114*).
- 10 *Augustinus Hipponensis. Sermo 111, 2 // Lambot C. Le sermon CXI de Saint Augustin. P. 112*.

Переходя от этого общего утверждения к экзегетическим нюансам и деталям, добавим, что в толковании блж. Августином притчи о закваске ключевое значение приобретает евангельское сравнение Христа с «пшеничным зерном» (см.: Ин. 12, 24), используемое в контексте страданий и Воскресения Христова. Дополняет это сравнение притча о горчичном зерне, выражающая ту же мысль: Церковь — это Тело Христово, «распростершееся по всей земле»¹¹. В непосредственной близости ко Христу находятся мученики, «посеянные» вместе с Ним и являющиеся, в силу причастности Его страданиям, основанием Церкви¹².

Образ плодородной нивы прилагается здесь как обособленно к Церкви, так и ко всему миру, который — путём аллегоризации трёх мер муки, в которые кладётся закваска, — конкретизируется в родоначальниках всего человечества: трёх сыновьях Ноя¹³. Такова экзегетическая панорама проповеди, представленная лишь в набросках в самом её начале. Её кажущаяся амбивалентность: евангельская нива — это Церковь в отдельности или весь мир в совокупности? — обнаруживает определённый замысел автора. Прояснить его возможно только на основании исторического контекста.

Начнём наш анализ с привлечения более широкого контекста произведений блж. Августина: исследуя первое из встретившихся нам приточных сравнений — закваска — мы с лёгкостью обнаружим, что в произведениях святого оно используется в соответствии со святоотеческой традицией, регулярно со ссылкой на Евангелие либо послания ап. Павла¹⁴: с целью провести разделение между учением Церкви и еретиков, а также в антииудейской полемике¹⁵.

11 Ср. в лат. оригинале: «corpus diffusum toto orbe terrarum» (*Augustinus Hipponensis. Sermo 111, 2 // Lambot C. Le sermon CXI de Saint Augustin. P. 112*).

12 «Martyres, seminati cum grano unde fertilitas segetis pullulet» (*Ibid. // Lambot C. Le sermon CXI de Saint Augustin. P. 114*).

13 В «Изыяснении на псалмы» (*Augustinus Hipponensis. Enarratio in Psalmum 101, 2:11*) блж. Августин вводит ещё 2 триады (праведников): допотопную (Авель, Сиф, Енох) и послепотопную (Авраам, Исаак и Иаков).

14 Речь идёт о «закваске фарисейской и саддукейской» (см. Мф. 16, 11) и «малой закваске» (см. 1 Кор. 5, 6–7), которая «квасит все тесто» (см. Гал. 5, 9).

15 Ср.: *Augustinus Hipponensis. Sermo 229/C. В serm. 111, как мы уже увидели, толкование закваски сводится всего лишь к двум примерам. Намёк на то, что под закваской, наряду с Церковью, следует понимать Христа, можно усмотреть в следующих словах: «Он [благоразумный разбойник] познал Его в силе закваски» («fermento cognouit»: *Idem. Sermo 111, 2 // Lambot C. Le sermon CXI de Saint Augustin. P. 114*).*

В «Толковании на Евангелие от Иоанна», к примеру, под закваской понимается Евангелие¹⁶, а в «Евангельских вопросах» наш автор не менее изобретательно сравнивает ее с любовью, «которая разогревает и воздвигает [человека]»¹⁷. Заметим также, что аллегория «закваска-Христос» встречается уже у свт. Илария Пиктавийского, к толкованию которого примыкает и свт. Амвросий Медиоланский¹⁸. Их рассуждения единодушны в содержательном плане: Христос как закваска был сокрыт в 3 мерах муки (в данном случае: в Законе, Пророках и Евангелии) и привёл их в согласие между собой посредством Своей смерти и воскресения¹⁹.

Аллегорию «закваска-Евангелие», помимо блж. Августина, используют свт. Амвросий и блж. Иероним: первый понимает под закваской учение Церкви, учение Христово, проводя разделение между «пшеничной закваской» и «закваской из плевел»²⁰; второй — знание и понимание Священного Писания, Евангельское учение²¹. Добавим также, что в трактате «О христианской науке» притча о закваске иллюстрирует многозначность слов, характеризующих известные события и предметы: в связи с этим, по мнению экзегета, и необходимо отличать их переносное значения от прямого.

В данном случае блж. Августин ссылается на два места из Священного Писания (см.: Мф. 16, 11; Лк. 13, 21)²²: в первом из них лексема «fermentum», по его словам, употреблена «в смысле обличения»,

- 16 См.: *Augustinus Hipponensis*. In euangelium Ioannis tractatus 9, 17 // CCL. 36. P. 99. Интересно, что в данном месте блж. Августин приводит оригинальное сравнение женщины из притчи о закваске с «плотью Господней»: «Quae est ista mulier, nisi caro Domini? Quod est fermentum, nisi Euangelium?». В том же контексте следует понимать и сравнение её с Премудростью (sapientia) в рассматриваемой проповеди: *Augustinus Hipponensis*. Sermo 111, 2 // *Lambot C. Le sermon CXI de Saint Augustin*. P. 114.
- 17 «Dilectio, quod feruefacit et excitat» (*Augustinus Hipponensis*. Quaestionum euangeliorum I, 12 // CCL. 44B. P. 14).
- 18 Эту аллегорию использовали ещё гностики валентиниане, о чём свидетельствует свт. Ириней Лионский: *Irenaeus Lugdunensis*. Adversus Haereses I, 8:3.
- 19 См.: *Hilarius Pictaviensis*. In euangelium Matthaei commentarius 13, 5; *Ambrosius Mediolanensis*. Expositio euangelii secundum Lucam 7, 187–188.
- 20 В оригинале: «fermentum tritici», «fermentum zizaniae» (*Ambrosius Mediolanensis*. Expositio euangelii secundum Lucam 7, 190–191 // CCL. 14. P. 280).
- 21 В оригинале: «doctrina Euangelica, notitia et intelligentia Scripturarum» (*Hieronymus Stridonensis*. Commentarii in Matthaem II, 13:33 // CCL. 77. P. 109). Блж. Иероним там же использует и выражение «евангельская закваска» («fermentum Euangelicum»), более близкое интерпретации блж. Августина.
- 22 См.: *Augustinus Hipponensis*. De doctrina christiana III, 25 // CCL. 32. P. 98.

во втором — в значении «одобрения»²³. Таким образом, Проповедь (sermo 111) является примером положительной интерпретации данного образа. Нельзя обойти вниманием и интерес оратора к природным свойствам описываемого им вещества: стремительное распространение и разогревание, производящее брожение в тесте и поднимающее его²⁴.

С экзегетической точки зрения, кажется довольно оригинальным сравнение Церкви с плодородной нивой, которое многократно встречается у блж. Августина, наряду с метафорами «Господняя нива» и «Господнее поле», «Господнее гумно»²⁵. В евангельском контексте, однако, поле символизирует собой весь человеческий род, и в другом месте наш автор явно говорит об этом, ссылаясь на истолкование, данное Спасителем притче о пшенице и плевелах²⁶. Между тем, именно образ *церковной* (курсив наш. — *и. Ф.*) нивы особенно дорог ему, так как в устах проповедника он неизменно служит орудием в полемике с донатистами.

3. Исторический экскурс: полемика с донатистами

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и пояснить исторический контекст, в котором зарождалась и развивалась эта полемика. Речь идёт о ереси, противостояние которой оказалось «настолько продолжительным и острым, что достигло необыкновенно драматического накала»²⁷. При рассмотрении данной проблематики необходимо, конечно, помнить и о том, что основной заботой Гиппонского епископа на протяжении всего периода его служения было сохранение церковного мира. И потому в его проповедях постоянно слышится призыв к единению, любви и милосердию²⁸.

23 «In uituperatione posuit fermentum Dominus <...> et in laude» (Ibid.).

24 Приведённая выше интерпретация служит иллюстрацией следующего экзегетического правила: свойства предметов оказывают непосредственное влияние на их понимание как знаков, указывающих на реалии иного, высшего, порядка. См.: *Augustinus Hipponensis. De doctrina christiana* II, 24. См. ниже: сн. 59.

25 Приведём лишь несколько примеров из творений святого: «seges dominica» (*Augustinus Hipponensis. Enarratio in Psalmum 70, 8:15*; «area dominica» (*Idem. Sermo 164, 7:11*); см. также: «seges Ecclesiae» (*Idem. Enarratio in Psalmum 39, 1*; *Psalmum 58, 1:5*; *Psalmum 70, 2:4*; *Psalmum 31, 2, 6*); «Ecclesiae gremium» (*Idem. Enarratio in Psalmum 10, 8*; *Psalmum 39, 8*; *Psalmum 103, 3:5*).

26 *Augustinus Hipponensis. Quaestionum septemdecim in euangelium secundum Matthaeum 11, 1 // PL. 35. Col. 1367*. См.: Мф. 13, 24–30.

27 *Trapè, A. Agostino Aurelio // Bibliotheca Sanctorum. Vol. 1. Roma, 1962. P. 466*.

28 С этой проблемой блж. Августин столкнулся, как только прибыл в Гиппон, ещё будучи пресвитером. В это время, ок. 392 г., он адресует письмо одному донатистскому епископу,

В рассматриваемой проповеди, однако, перед нами совершенно иная картина: в ней явственно чувствуется ожесточённость полемики, смятение и подавленность, царящие в душах верующих, которым епископ преподаёт пример терпения, взятый из повествования о последних минутах жизни Христа и св. ап. Стефана²⁹. Здесь слышны отклики того яростного сопротивления со стороны донатистов и наиболее фанатично настроенных среди них групп, так называемых «циркумцеллионов», о зверствах которых нам повествует как еп. Поссидий, так и сам блж. Августин³⁰. Употребляя все средства для вразумления отступников, последний не переставал напоминать им о том, что они принадлежат церковному Телу и имеют все возможности для покаяния и воссоединения с Матерью-Церковью. Вот почему он даже в пылу полемики называет донатистов схизматиками, христианами, братьями, подобно блудному сыну покинувшими родительский очаг³¹.

Карфагенский собор 411 г. стал водоразделом, обозначившим несбыточность надежд Августина и необходимость принятия решительных мер. Этот собор, положивший конец расколу, был созван по приказу императора Гонория, к поддержке которого в конечном счёте пришлось прибегнуть святому, находившемуся под давлением подчинённых ему епископов и сознававшему весь трагизм сложившейся ситуации³².

С догматической точки зрения Августин, несомненно, создавал себя последователем и учеником таких прославленных апологетов, как Тертуллиан, Киприан Карфагенский, Иринеи Лионский, Ориген и Амвросий. Наиболее ярко это проявляется в толковании притч о пшеничном зерне и о сеятеле. Эти притчи, объединённые и тематически, и логически, образуют своего рода основной полемический арсенал епископа. Необходимость правильной интерпретации притч была отмечена на вышеупомянутом Карфагенском соборе 411 года, проводившемся совместно с донатистами, где Августин ревностно отстаивал традиционное понимание спорных евангельских метафор³³.

Максимино, в котором называет его «возлюбленным о Господе и почтенным братом»: «*Domino dilectissimo et honorabili fratri Maximino*» (*Augustinus Hipponensis. Epistula 23, 1 // CCSL. 31. P. 60:1–3*), — что ярко характеризует его как блюстителя церковного мира.

29 См.: *Augustinus Hipponensis. Sermo 111, 3*.

30 *Possidius Calamensis. Vita sancti Aurelii Augustini 10; Augustinus Hipponensis. Epistula 111, 1; Idem. Contra Cresconium grammaticum donatistam III, 46*.

31 См.: *Augustinus Hipponensis. Sermo 112/A*.

32 См.: *Idem. Epistula 185, 7*.

33 См.: *Idem. Breviculus conlationis cum Donatistis 3, 265–281 // CCSL. 149/A. P. 253–257*.

Так, донатисты толковали «поле» из притчи о плевелах в соответствии со словами Евангелия: т.е. понимали под ним весь земной мир, но отказывались отождествлять его с Церковью в силу того, что в ней они видели обособленное общество святых, опираясь, в первую очередь, на авторитет свт. Киприана. Тем самым они акцентировали внимание на внутреннем единении верующих с епископом, в лице которого и выражалось видимым образом единство Церкви и вне полномочий которого любое крещение было недействительно. При этом донатисты активно использовали библейские образы, служившие для свт. Киприана обоснованием авторитета и сотериологического значения Церкви в контексте тогдашних гонений и отпадения от Церкви христиан, а также разделений в недрах самой Церкви³⁴. Несколько неясное выражение Карфагенского епископа о святости и чистоте Церкви получило в объяснении донатистского лидера Тихония далеко идущую интерпретацию, затрагивающую и важный экзегетический вопрос. Суть его позиции заключается в следующем: чтобы здраво судить о значении тех или иных мест Священного Писания, никак нельзя забывать о том, что на земле Церковь состоит только из святых³⁵.

Неудивительно, что Августин живо отреагировал на такую необычайно укоренённую в Священном Писании экклезиологию, причём в полемике с донатистами он активно использовал разумные доводы и наработки своих оппонентов. Так, у Тихония он заимствует не только толковательные правила, но и отдельные пункты своего учения о Церкви как Теле Христовом, причастность к которой только и может гарантировать для верующего единение со Христом. Необходимо также отметить, что Августин следует в русле богатой богословской традиции, связанной, в первую очередь, с именами Тертуллиана и Киприана Карфагенского, а также Оптата Милевского³⁶.

34 См.: *Cyprianus Carthaginiensis*. Epistula 69, 8. Ср.: *Idem*. De unitate Ecclesiae 5, 9; 13, 33.

35 Приведём для наглядности следующую цитату: «[Cherubim] exclusit uniuersos malos de Ecclesia, sed spiritualiter. Qui enim uestimentum nuptiale non habet, hic in saeculo excluditur de medio recumbentium. <...> Futuro enim saeculo nemo miscebitur choro sanctorum, qui postea excludatur» (*Tichonius Afer*. De septem regulis, regula VII // PL. 18. Col. 64). См. также: «Si autem qui ab haereticis uenit baptizatus in ecclesia prius non fuit, sed alienus in totum et profanus uenit, baptizandus est ut ouis fiat, quia una est aqua in ecclesia **sancta** (выделение наше. — у. Ф.) quae oues faciat» (*Cyprianus Carthaginiensis*. Epistula 71, 3 // CCSL. 3С. P. 519:44–47).

36 Как известно, «Апология» первого «содержит прекрасные места о единстве любви между христианами», а из книги второго, «О единстве Церкви», Августин «будет непосредственно заимствовать аргументы и толкования, сообщая им, однако, большую широту и применяя

4. Богословско-экзегетический контекст: экклезиология

Пытаясь в данном контексте проследить причастность нашего автора этой живой и необыкновенно богатой традиции, отметим, что его непосредственным предшественником в антидонатистской полемике был именно Оптат Милевитский, автор трактата «О донатистском расколе» (*De schismatum Donatistarum*). Многие его идеи были восприняты нашим проповедником, чему ярким примером служит *serm.* 111, в самом начале цитирующее знаменитые слова Оптата:

«*mater Ecclesia catholica <...> corpus diffusum toto orbe terrarum*³⁷» (курсив наш. — и. Ф.).

Блж. Августин также привлекает притчу о плевелах, подразумевая под полем в притче весь мир, «в котором находится Церковь»³⁸, и подчёркивая тем самым земной характер последней и присутствие в ней как праведников, так и грешников. В предшествующей экзегетической традиции свт. Амвросий вслед за Иларию также использует евангельский образ «поле — земной мир», но под полем понимает «плодородное множество святых, появившееся на ниве рода человеческого»³⁹.

У блж. Иеронима нива (*seges*) является синонимом поля (*ager*) и обозначает мир в соответствии с евангельским повествованием⁴⁰. В его латинском переводе гомилий Оригена на книгу Иезекииля, который, несомненно был доступен Августину, также затрагивается этот вопрос: Ориген отмечает, что «в церковном неводе подобает быть и добрым, и злым»⁴¹, и отвергает евангельское толкование поля как земного мира, понимая под ним собрание христианского народа (*coetum populi Christiani*), в котором можно усмотреть и пшеницу, и солому. Далее

их ко всей *Кафолической Церкви*» (курсив наш. — и. Ф.) (*Comeau M. Saint Augustin, exégète du quatrième Évangile. Paris, 1930. P. 351*).

37 *Optatus Milevitanus. De schismate Donatistarum II, 2 // PL. 11. Col. 946.*

38 В лат. оригинале: «*ager qui est totus orbis, in quo est Ecclesia*» (*Optatus Milevitanus. De schismate Donatistarum VII, 2 // PL. 11. Col. 1085.*

39 В лат. оригинале: «*agri seges in satione humani generis fecunditas numerosa sanctorum*» (*Ambrosius Mediolanensis. Expositio euangelii secundum Lucam V, 28 // CCSL. 14. P. 146*). Ср.: *Hilarius Pictaviensis. In euangelium Matthaei commentarius XII, 2.*

40 *Hieronymus Stridonensis. Commentarius in Ecclesiasten V // PL. 23. Col. 1055.* В данном контексте блж. Иероним использует следующие эпитеты: «*matura seges*» и «*ager mundi istius*».

41 В лат. оригинале: «*Oporet ergo in sagena totius Ecclesiae esse et bona et mala*» (*Hieronymus Stridonensis. Commentariorum in Ezechielem liber XIV, homilia I // PL. 25. Col. 704*).

он проводит параллель с земными Церквями (*ecclesiae terrestres*), которые состоят из праведников и грешников, и предостерегает своих слушателей от соблазна подвергать сомнению присутствие в них последних. Очевидно, что контекст здесь тот же самый, что и у блж. Августина.

В соответствии с вышесказанным, экклезиология блж. Августина так же покоится на авторитете Писания, в процессе интерпретации которого оживают знакомые и рождаются новые образы, сравнения, метафоры и аллегории, к которым разработавший их автор будет прибегать постоянно. Фундаментальное значение в ней приобретают

«две строго новозаветные схемы; одна, принадлежащая апостолу Павлу: Церковь как Тело Христово, — и другая, евангельская: Церковь как Царство Небесное в контексте притч о смешанных между собой элементах»⁴².

Именно две эти схемы достаточно чётко прослеживаются в *serm.* 111, где притчи о пшеничном зерне с одной стороны и плевелах⁴³ — с другой использованы в качестве текстуального стержня, вокруг которого и построена яркая и красочная аргументация проповедника. Вот почему в своих проповедях блж. Августин так часто обращается к эсхатологической перспективе, отражённой, наряду с притчей о плевелах, и в евангельских словах Иоанна Крестителя о грядущем суде (Мф. 3, 12; Лк. 3, 17)⁴⁴.

Таким образом, наш оратор проводит различие между Церковью земной, странствующей, и небесной, торжествующей, которая откроется в последние времена⁴⁵. В эсхатологической перспективе Церковь в лице всего человечества становится гумном, которое в конце времён очистит веяльщик, отделив солому (еретики, отступники) от зерна (истинные христиане). Оставшаяся в результате провеивания «очищенная масса» образует собой обновлённую церковную ниву, свободную от «примеси кого-либо из злых», «призванную царствовать со Христом» в небесных житницах⁴⁶.

42 *Borgomeo P.* L'Église de ce temps dans la prédication de Saint Augustin. Paris, 1972. P. 307.

43 Точнее говоря, заключительная её часть, посвящённая эсхатологическим временам: Мф. 13, 30.

44 Ср.: *Poque S.* Le langage symbolique dans la prédication d'Augustin d'Hippone. Images heroïques. Vol. I. Paris, 1984. P. 153.

45 Подробное описание этого находим в XV-й книге «О граде Божиим»: *Augustinus Hipponensis. De ciuitate Dei* XV, 1–27.

46 В лат. оригинале: «*massa purgata stans ad dexteram, nullum sibi timens misceri malorum, <...> regnatura cum Christo...*» (*Augustinus Hipponensis. Sermo 111, 3 // Lambot C. Le sermon CXI de Saint Augustin. P. 115*).

Мотив эсхатологической жатвы придаёт силу и убедительность наставлениям епископа в поддержку вверенной ему паствы, находящейся в горниле испытаний. По его мысли, это — прямое следствие видимого смешения праведников с грешниками⁴⁷, одновременно находящимися в границах той же всемирной Церкви, и потому имеющими все возможности к исправлению. Разделение между ними произойдёт в конце времён, когда первые получают вознаграждение за свою стойкость, в то время как последние будут осуждены окончательно⁴⁸.

Этим, однако, теоретическая база Августина не исчерпывается: он проводит ещё одно разграничение, теперь уже в пределах земной Церкви, между её видимой и невидимой реальностью. Это — ответ донатистской сакраментологии, где нет места живому действию благодати Святого Духа, ведь донатисты открыто игнорировали тот факт, что подаваемая в церковных таинствах благодать не может быть полностью обусловлена одним лишь формальным, нравственно безупречным совершением этих таинств.

По мысли проповедника, благодать, напротив, ни в коей мере не может зависеть напрямую от соблюдения внешних обрядовых формальностей и действует вне зависимости от нравственных качеств совершителя таинства. Следуя в указанном русле, т. е. проводя различие между знаком (*signum*) и обозначаемой им вещью (*res sacramenti*), Гиппонский епископ «на практике пришёл к идентификации обозначаемой вещи с любовью (*caritas*)», а та, в свою очередь, стала для него «герменевтическим правилом о знаках в Священном Писании и спасением (*salus*), сообщаемом в крещении»⁴⁹. Перенося введённый им принцип в сферу человеческих отношений, он утверждает, что присутствие христианина в видимой Церкви не гарантирует его автоматического присутствия в Церкви духовной, под которой Августин, естественно, понимает Церковь Кафолическую; причём верно и обратное.

С формальной точки зрения наглядно иллюстрируют этот важный догматический постулат два наречия «*foris*» и «*intus*», неоднократно

47 Ср.: знаменитое правило донатиста Тихония, преобразованное Августином в свой изблуженный герменевтический принцип: Церковь как «*corpus Christi mixtum*». См.: *Tichonius Afer. De septem regulis, regula II: «De Domini corpore bipartito»* // PL. 18. Col. 20–22. Ср.: *Augustinus Hipponensis. De doctrina christiana III, 32:45; Idem. In euangelium Iohannis tractatus 27, 11.*

48 Ср.: *Augustinus Hipponensis. Sermo 111, 3.*

49 *Grossi V. La catechesi battesimale agli inizi del V sec. Le fonti agostiniane. Roma, 1993. (Studia Ephemeridis «Augustinianum»; 39). P. 160. Подробнее об этом см.: Augustinus Hipponensis. De doctrina christiana III, 15, 25.*

присутствующие в проповедях святого⁵⁰. В этом контексте таинства становятся своего рода

«социальными скрепами, которые сплавляют и держат народ <...> в тесном единстве, являясь к тому же видимыми формами невидимой благодати»⁵¹.

Вся аргументация автора направлена, таким образом, против до-натистов и крещения, совершаемого ими. Его бесплодность вытекает как раз из того факта, что совершители его отсоединены от «оков любви и мира»⁵². Кроме того, блж. Августин использует данный пример и в пастырских целях, когда обличает тех, кого можно назвать христианами лишь по наружности⁵³.

В экзегетическом наследии святого неоднократно упомянутые нами образы соломы, плевел и пшеницы (хлеба, доброго зерна, семени⁵⁴) находят наибольшее развитие в «Семнадцати вопросах на Евангелие от Матфея» (*Quaestiones XVII in Matthaеum*), где проповедник анализирует притчу о пшенице и плевелах (см. Мф. 13, 24–30). В данном случае выстраиваемые им аллегории довольно оригинальны: солому он относит к нечестивым христианам, находящимся в церковном единстве, так как солома имеет происхождение из того же самого семени и имеет общий стебель с зерном. Плевелы же служат символом еретиков, которые отделены от Церкви. В то же время блж. Августин отмечает, что необходимо проводить различие между еретиками и схизматиками. Последние добровольно разрушают своё единство с Церковью и потому лучше могут быть охарактеризованы посредством сравнения с «повреждёнными колосьями»⁵⁵.

50 Ср.: Крмона К. Августин из Гиппона. Разум и вера. М., 1995. С. 203. См. следующий текст: «in ipsa **intus** (выделение наше. — *и. Ф.*) *ecclesia mali mixti sunt bonis*» (*Augustinus Hipponensis*. Enarratio in Psalmum 128, 8 // CCSL. 40. P. 1886. См. также: *Idem*. Enarratio in Psalmum 117, 14). Ср.: *Idem*. Sermo 354, 2.

51 *Trapè A.* Agostino Aurelio. P. 510.

52 *Ibid.*; ср. знаменитую фразу: «Non habent Dei charitatem, qui Ecclesiae non diligent unitatem» (*Augustinus Hipponensis*. De baptismo contra Donatistas III, 16:21 // PL. 43. Col. 148).

53 *Augustinus Hipponensis*. Sermo 64, 1–8.

54 В лат. оригинале: «frumenta», «bonum granum», «bonum semen».

55 В лат. оригинале: «Spicis corruptis» (*Augustinus Hipponensis*. Quaestionum septemdecim in euangelium secundum Matthaеum 11, 2 // PL. 35. Col. 1367). Всестороннее освещение эти вопросы находят в следующем издании: *Августин Гиппонский*, блж. Семнадцать вопросов на Евангелие от Матфея (*quaestiones XVII in Matthaеum*); авторство, особенно-сти экзегезы, полемический характер и перевод / пер. с лат., вступ. ст. иер. А. Сергеева. М., 2019. С. 13–15, 22–23.

И всё же проповедник убеждён, что тот христианин, который заблуждается в вере и не заявляет об этом публично, хотя бы и был в лоне Церкви, духовно уже отделился от неё и является еретиком. В адрес именно таких христиан и обращена его критика. Их надмение и гордость он уподобляет более высоким колосьям, которые потому и более уязвимы и легко надламываются под действием ветра⁵⁶. В этих образах, вдохновенно рисуемых оратором, можно усмотреть иллюстрацию одного из правил, изложенных им в «Христианской науке»: знание свойств и особенностей тех или иных растений или животных помогает в раскрытии их значения как знаков в определённом контексте⁵⁷.

Исходя из вышесказанного, можно прояснить смысл слов, епископа в рассматриваемой проповеди. Он предостерегает верных от соблазнов, распространяемых «погибшей толпой дурных и лживых христиан»⁵⁸ — донатистов. Против последних он восстаёт, запрещая «солومه глумиться над зерном», тем самым обличая их гордыню и дерзость⁵⁹. Интересен приём, который Августин использует для демонстрации бессилия противника: он говорит о евангельской женщине, прикоснувшейся к краю одежды Христа, в то время как толпа Его теснила (см. Лк. 8, 44). Логическим путём он приходит к заключению, что никто из толпы, кроме той женщины, не прикасался ко Христу. Так и донатисты «теснят, но не прикасаются»⁶⁰.

Описание этого метода мы также находим в «Христианской науке», где на основании многочисленных примеров констатируется значимость для экзегета логики и других умственных наук⁶¹. В то же время здесь можно увидеть переключку с комментарием свт. Амвросия, который при рассмотрении того же самого эпизода делает следующее замечание:

«Веруют не те, кто теснят, а те, кто прикасаются. Ко Христу прикасаются посредством веры...»⁶².

56 Ср.: *Augustinus Hipponensis. Quaestionum septemdecim in euangelium secundum Matthaem* 11, 3.

57 См.: *Idem. De doctrina christiana* II, 24. См. выше: сн. 26.

58 В лат. оригинале: «*turba naufragata malorum falsorumque christianorum*» (*Augustinus Hipponensis. Sermo 111, 3 // Lambot C. Le sermon CXI de Saint Augustin. P. 115*).

59 См.: *Augustinus Hipponensis. Sermo 111, 2*. О жестокости и яростном сопротивлении донатистов см. также п. 3 наст. публ. «Исторический экскурс: полемика с донатистами» (сн. 32).

60 См.: *Idem. Sermo 111, 3*.

61 *Idem. De doctrina christiana* II, 48–58.

62 В лат. оригинале: «*Non enim credunt qui conprimunt, credunt qui tangunt. Fide tangitur Christus*» (*Ambrosius Mediolanensis. Expositio euangelii secundum Lucam VI, 57 // CCSL. 14. P. 194*).

В отношении вышеприведённого описания донатистов можно предположить, что в данном случае блж. Августин подразумевает события, последовавшие вслед за Карфагенской конференцией (411 г.), «*de jure* положившей конец расколу»⁶³, и эдиктом императора Гонория (412 г.), направленным против донатистов⁶⁴.

Таким образом, рассмотренные образы нивы, пшеницы, соломы и плевел ярко характеризуют полемическую направленность проповедей блж. Августина и обнаруживают в них необычайное развитие в особенности в экзегетическом плане. Несмотря на то, что эти образы, взятые из Евангелия, были хорошо известны в церковной литературе, они приобретают в устах Гиппонского оратора оригинальные черты в силу своей детальной аллегоризации и активного использования, продиктованного насущной необходимостью. В этом смысле он

«использует все библейские образы, которые только мог найти, чтобы подтвердить идею о необходимости признания Церкви, в которой неразделимо “смешаны” добрые и злые и в которой нужно терпеть присутствие последних вплоть до конечного [с ними] разделения»⁶⁵.

63 Introduzione ai padri della Chiesa. Secoli IV e V / ed. G. Bosio, E. Dal Covolo, M. Maritano. Torino, 1995. P. 67.

64 Образ соломы у Августина используется довольно часто и в другом контексте: горнило печи для выплавки золота, драгоценный металл, солома и огонь, разводимый с помощью соломы. Солома здесь также служит символом нечестивых людей (см.: *Augustinus Hipponensis. Sermo 113/A, 11; 15, 4*). Лишь в «Tractatus in Evangelium Ioannis» он понимает под соломой «букву Ветхого Завета», «материальный смысл», «соломенную оболочку» («*tegmina carnalium sacramentorum*», «*tegimen paleae*»: *Idem. In euangelium Ioannis tractatus 24, 5 // CCSL. 36. P. 246*), от которой нужно освободиться, чтобы достигнуть съедобной сердцевины, истинного смысла Священного Писания. Ещё один пример оригинальной аллегоризации соломы и плевел находится в «Изъяснении 121-го псалма», где под ними понимаются иудеи по плоти, «сыны плоти», лишившиеся своего наследства. Ср. лат. оригинал: «...ipsa erant grana inter illas tribus, quae inter paleas commixta sunt. Adscenderunt autem, non cum paleis, sed tribus purgatae, electae, quasi tribus Domini» (*Idem. Enarratio in Psalmum 121, 8 // CCSL. 40. P. 1808–1809*). В заключение следует всё же заметить, что этот образ используется проповедником преимущественно в полемике с донатистами, о чём нередко говорится напрямую: См.: *Idem. Psalmus contra Partem Donati 145; Idem. Contra epistolam Parmeniani II, 1:1*.

65 *Markus R.A. Introduzione generale // Polemica con i donatisti. Sant'Agostino / ed. A. Lombardi. Roma, 1998. P. XXVI. (Nuova Biblioteca Agostiniana; XV/1)*. С той же целью Августин использует притчу о неводе с добрыми и негодными рыбами (Мф. 13, 47–48): *Augustinus Hipponensis. Quaestionum septemdecim in euangelium secundum Matthaeum 11, 1*.

5. Идейное своеобразие сельскохозяйственных метафор в экзегезе блж. Августина

Подробный анализ сельскохозяйственной терминологии, использованной Августином в своих произведениях, провела Сюзан Поке (S. Poque)⁶⁶. По ее словам, евангельские цитаты (Мф. 3, 12; Лк. 3, 17) были «полемическим арсеналом» святого в борьбе с донатистами. Однако, материалом, которым он располагал, этим не исчерпывался⁶⁷. Французская исследовательница справедливо замечает, что подробные и красочные описания жатвы воспроизводят панораму современной проповеднической жизни африканских селений в период сбора урожая. В самом деле, стеснение и тяготы простого народа, платившего подать Риму в виде зерна, голод и нищета были предметом его пастырского попечения и поводом к многочисленным проповедям⁶⁸.

Относительно структуры и целостности, проводимой нашим автором аллегоризации, следует отметить, что она обнаруживает

66 См.: *Poque S. Le langage symbolique dans la prédication d'Augustin d'Hippone. Images heroïques: in 2 vols. Paris, 1984.*

67 Особое место занимает в проповеди образ «Христос-веяльщик» (*ventilator*; см.: *Augustinus Hipponensis. Sermo 111, 3*), не находящий аналогов в предшествующей церковной традиции и берущий начало в евангельских метафорах «пшеницы» и «соломы» (Мф. 13, 25; 3, 12). Из современных Августину писателей этот термин использует Пруденций в своих «Гимнах мученикам» (*Peristephanon*), употребляя его в другом, негативном, смысле: «смутьян» (*uentilator urbis*). В данном контексте это — слова тирана, обращенные к мученику Роману. См.: *Prudentius. Peristephanon X, hymnus 1075*. Велика вероятность того, что это сочинение и послужило источником для проповедника, наполнившего данную лексему новым смыслом. Блж. Августин использует образ веяльщика и в других произведениях, иногда усиливая его эсхатологический смысл эпитетом «последний»: «*ultimus uentilator*»: *Augustinus Hipponensis. Sermo 4, 29.32; 31, 34*; «*uentilator*»: *Idem. Sermo 88, 18–19; Idem. Contra litteras Petilianus I, 20:22; Idem. Contra Cresconium grammaticum Donatistam III, 81, 93; Idem. Enarratio in Psalmum 48, 1:3*; «*uentilator noster*»: *Idem. Enarratio in Psalmum 49, 13*. Термин «*uentilator*» встречается и в агрономических произведениях Л. Юния Модерата Колумеллы (ок. 50 г. н. э.). И. Х. Дворецкий именно к нему относит употребление этой лексемы: см.: *uentilator // Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 1064.*

68 См.: *Augustinus Hipponensis. Sermo 113/A*. Интересно примечание Эдмунда Хилла к американскому изданию проповедей Августина (*The Works of Saint Augustine. A Translation for the 21st Century. Part III: Sermons / transl., notes E. Hill, ed. J. E. Rotelle. Vol. 4. Brooklyn (N. Y.), 1992*), где также затрагивается вопрос об «африканском прототипе» их аграрной символики. В качестве места, более всего соответствующего описанию данной проповеди, исследователь называет горы Лесото, не исключая и другие слабообразованные африканские страны, где и по сей день «бесполезно и не представляется возможным применение зерноуборочных машин» (*Ibid. P. 145*).

определённый авторский замысел, заключающийся в последовательном изложении основных этапов уборки зерна. Считаю уместным привести здесь наглядную схему С. Покэ, демонстрирующую согласованность и цикличность этих процессов в произведениях блж. Августина⁶⁹:

- а) посев зерна зёрна *скрыты* в земле (recondita)
- б) прорастание зёрен пшеница *смешана* с плевелами (mixta)
- в) покос колосья *отделены* от плевел (discreta)
- г) молотьба зерно *покрыто* шелухой (mixta)
- д) провеивание зерна зерно *отделено* от шелухи (discreta)
- е) уборка зерна в ригу зерно *убрано* в ригу (recondita)

При внимательном рассмотрении вышеприведённой схемы можно заметить, что в ней недостаёт процесса просеивания,

«как будто бы оратор намеренно сделал так для того, чтобы не нарушить [эту] прекрасную композицию»⁷⁰.

Достоин внимания также указание вышеупомянутого автора относительно сакральной символики провеивания, несомненно, чуждой христианской культуре. Действительно, провеивание служило средством очищения в ритуалах и культах языческих мистерий, о чём свидетельствуют изображённые на многих рельефах сельскохозяйственной тематики корзины с двумя ручками, сплетённые из тростника или ивы. На отдельных египетских рельефах можно увидеть писаря, держащего на уровне колен сито при подсчёте количества провеянного зерна, — символическое изображение знатока истинных ценностей⁷¹.

В этой связи возникает вопрос: с какой целью Августин привлекал рассмотренную выше символику провеивания, с точки зрения её очистительного значения? Объяснение этому можно также найти в рассматриваемой проповеди, содержащей в себе имплицитные указания на антипелагианскую полемику.

69 Poque S. Le langage symbolique dans la prédication d'Augustin d'Hippone. Images heroïques. Vol. I. Paris, 1984. P. 152.

70 Ibid.

71 Для наглядности и полноты картины приведём ещё один, заключительный, пример: индусское божество Ганеша с головой слона и слоновьими ушами, которые служат для провеивания нечистоты, худых слов и зла. В данном месте мы основываемся на материале, приведённом С. Покэ со ссылкой на следующий справочник: Dictionnaire des symbols. Mythes, Rêves, Coutumes, Gestes, Formes, Figures, Couleurs, Nombres / ed. J. Chevalier, A. Gheerbrant. Paris, 1969. P. 257.788.

Прежде всего, проповедь начинается с обрывочного указания⁷² на предопределение со ссылкой на слова Апостола (Гал. 4, 9; Еф. 1, 4)⁷³. Эта идея иллюстрируется во втором параграфе, где объектами сравнения становятся апостолы, покинувшие своего Учителя, и благоразумный разбойник, познавший Его в момент страданий на Кресте. Итальянский патролог Пасквале Боргомео (P. Borgomeo) делает ценное замечание относительно употребления Августином выражения «de traverso»⁷⁴, указывающего на внезапность, неожиданность и

«пластично передающего порядок первенства в спасении, выражающего его [Августина] глубокое чувство абсолютной безвозмездности [Божьего] определения, относящегося к Церкви, [происшедшей] из язычников»⁷⁵.

За эпизодом с разбойником следует третий параграф, посвящённый вопросу численности спасающихся и вводящий очень важные и характерные для Августина термины «*massa sanctorum*» и «*massa purgata*»: в данном случае употребляемые в антипелагианской полемике⁷⁶.

Таким образом, в Проповеди (sermo 111) в полемическом русле идёт речь о греховности человечества в непосредственной связи с вопросом о малом числе спасающихся и, несомненно, с учением о благодати, предопределяющей избранных ко спасению. На основании сказанного мы сможем ещё более прояснить смысл «антидонатистских мест» в рассматриваемой проповеди⁷⁷.

72 См. выше п. 1 наст. публ.: «Критика текста».

73 *Augustinus Hipponensis. Sermo 111, 1.*

74 В тексте проповеди стоит выражение «de transuerso» (*Augustinus Hipponensis. Sermo 111, 2 // Lambot C. Le sermon CXI de Saint Augustin. P. 113.*)

75 См.: *Borgomeo P. L'Église de ce temps dans la prédication de saint Augustin. Paris, 1972. P. 55.* См. также: *Augustinus Hipponensis. Sermo 245, 3; Sermo 63/B, 1; Sermo 346/A, 6; Sermo 348.*

76 Следует также сделать небольшое уточнение, касающееся данной полемики: речь идет о полупелагианстве. В соответствии с наблюдением французского издателя проповедей на Евангелие от Иоанна, Мари-Франсуа Берруара (M.-F. Berrouard), термин «*massa*» употребляется у блж. Августина как в положительном, так и в отрицательном смысле, но в большинстве случаев является переводом греч. «τὸ φύραμα», употреблённого в негативном значении («глиняная масса») в следующем контексте: Рим. 9, 21. См.: *Berrouard M.-F. Homélie sur l'Évangile de saint Jean. Paris, 1969. (Bibliothèque Augustinienne; 71). P. 865.* «*Massa*», понимаемая здесь Августином, обозначает «множество грешников» (*Augustinus Hipponensis. In euangelium Ioannis tractatus 4, 10; 87, 3; Idem. Sermo 96, 6; Idem. De diversis quaestionibus ad Simplicianum I, 2:20*), человеческий род, подвергшийся греховной порче через Адама, или же, в более узком смысле, есть нечто иное, как «*massa primi hominis, cui merito mors debetur*» (*Idem. Epistula 186, 16 // PL. 33. Col. 522.* См.: *Berrouard M.-F. Homélie sur l'Évangile de saint Jean. P. 866.*)

77 Блж. Августин здесь, по всей видимости, играет на уже отмеченной нами разности значений термина «*massa* — φύραμα»: в положительном смысле его можно перевести

6. Библиейские притчи и метафоры в контексте традиции

Итак, в Проповеди (sermo 111) мы встречаемся с биполярной полемикой: основное внимание уделено, бесспорно, опровержению пелагиан, и в то же время делаются довольно явные намёки в отношении донагустов. Присутствие в мире спасительной благодати и Промысла Божия служит для Августина сильнейшим аргументом в защиту учения о земной Церкви, «*corpus Christi mixtum*»⁷⁸, состоящей из праведников и грешных, и поводом для христиан к безропотному перенесению временных страданий и гонений со стороны еретиков. И здесь очень важно отметить, что, по Августину, «добро и зло, видимо присутствующие в данный момент, не только не раскрывают внутренних побуждений человека, но и не могут служить залогом его избрания или осуждения»⁷⁹.

Бог некоторым образом оставляет в тайне Своё окончательное решение и даёт возможность как грешному радикально изменить свой образ жизни, так и праведному усовершенствоваться в добродетели, не будучи, однако, до конца уверенным в своём избранничестве. Вот почему блж. Августин довольно часто обращает внимание своей паствы на то, что ещё в этой жизни есть опасность формально принадлежать к церковному Телу, но духовно уже быть от неё отделённым⁸⁰. В этой ситуации его слова, звучащие в рассматриваемой проповеди, служат

как «мучная масса» («*massa di farina*»; см. *ad locum*: φυράβην // *Rocci L. Vocabolario greco-italiano / 2ª edizione riveduta. Roma, 1941*), «множество зерна» [в сравнении с соломой]. Подтверждением этому служит следующее замечание С. Поке: в «Трактате на Евангелие от Иоанна» Августин использует это выражение как для обозначения количества зерна, так и всего человечества, лишь однажды вводя для него крайне негативную характеристику словосочетанием «*massa perditionis*»: *Augustinus Hipponensis. In euangelium Ioannis tractatus 109, 2*. Ср. текст лат. оригинала: «in comparatione multorum perditorum» (*Idem. Sermo 111, 3 // Lambot C. Le sermon CXI de Saint Augustin. P. 115*). С учётом того, что самая ранняя проповедь на Евангелие от Иоанна, в которой встречается этот термин, относится к 406 г. (*Augustinus Hipponensis. In euangelium Ioannis tractatus 27, 11. См.: Tavola cronologica / Opere di sant'Agostino. Nuova Biblioteca Agostiniana. Roma, 1998. [On-line ed.] URL: <https://www.augustinus.it/italiano/discorsi/index2.htm>*), можно однозначно поместить данный термин и в контекст антидонагустовской полемики. См.: *Poque S. Le langage symbolique dans la prédication d'Augustin d'Hippone. P. 155*.

78 *Augustinus Hipponensis. De doctrina christiana III, 45; Idem. In euangelium Ioannis tractatus 27, 11.*

79 *Straw C. E. Augustine as Pastoral Theologian: The Exegesis of the Parables of the Field and Threshing Floor // Augustinian Studies. 1983. Vol. 14. P. 133.*

80 См. выше. Ср.: *Augustinus Hipponensis. Epistula 36, 22; 108, 16.*

для донатистов не только устрашением, но и призывом к покаянию и возвращению в лоно Церкви.

Притча о плевелах позволяет проследить причастность Августина к экзегетической традиции, выработавшей и приспособившей к церковным нуждам многие библейские образы и аллегории, встречаемые нами намного позднее в его проповедях. Так, ещё Ориген в своём толковании притчи о плевелах «в основном, понимал под полем, на котором происходит посев, Церковь»⁸¹. В «Гомилиях на Иезекииля» он между прочим затрагивает столь дорогую Августину тему присутствия в Церкви праведников и грешных⁸². Свт. Киприан привлекает эту притчу по случаю возвращения в Церковь римских схизматиков, в связи с чем призывает с терпением относиться к грешникам в среде христиан, косвенно сравниваемым с плевелами, и уклоняться от соблазна разделений⁸³. Для воссоздания полной картины нужно принять во внимание и тот факт, что из современников Августина, кроме Оптата, её также использовал Люцифер Калаританский⁸⁴.

На основании исчерпывающего исследования Илоны Опельт (I. Opelt) следует также добавить, что т. н. новозаветные «сорняковые» метафоры (Unkraut-metapher) присутствуют уже у Тертуллиана и характеризуют

81 *Scorza B. F.* La parabola della zizzania in Agostino. A proposito di Quaestiones in Matthaem 11 // *Annali di storia dell'esegesi.* 1988. Vol. 5. P. 220. Ср.: *Origenes. Commentarius in Matthaem* 10, 2.

82 См. выше: сн. 44.

83 Ср.: *Cyprianus Carthaginiensis. Epistula* 54, 3. Итальянский патролог и историк Ф. Скорца Барчеллона (F. Scorza Barcellona) в статье, посвящённой анализу данной притчи в «Вопросах на Евангелие от Матфея» Августина, замечает, что это толкование Киприана в определённый момент было им приспособлено к реалиям современной проповеднической церковной жизни, чему может служить подтверждением частое цитирование в его антидонатистских произведениях данного отрывка. Также он обращает внимание на стоящего в непосредственной близости к Августину, — и по времени, и по полемическому контексту, — Оптата Милевитского, в том же духе толковавшего рассматриваемую притчу: «non a caso la citazione del passo cipriano ricorre di frequente in Agostino contro Donatisti [cf.: *Augustinus Hipponensis. Retractationum* II, 28; *Idem. Contra Cresconium grammaticum Donatistam* II, 34.43, 38.48 etc.]. Ancor più vicina ad Agostino nel tempo e nel contesto polemico è l'applicazione che nel settimo libro dell'opera antidonatista di Ottato di Milevi si fa della stessa parabola; anche qui nell'ambito di una esortazione alla ricomposizione delle divisioni nell'unità della Chiesa, in cui possono trovarsi anche i peccatori si afferma che il campo è "totus orbis in quo est ecclesia et seminator Christus" (7, 2, e ivi, poco oltre: "in agro suo per totum orbem terrarum, in quo est una ecclesia")» (*Scorza B. F.* La parabola della zizzania in Agostino. P. 220).

84 Приведем дословную цитату: «unus ex illis zizaniis destinatis igni (Mt. 13, 40)». (*Lucifer Calaritanus. De sancto Athanasio* II, 17 // CSEL. 14. P. 178).

как сами ереси, так и их представителей и грозящий им судный день⁸⁵. Здесь упоминается ещё один, ветхозаветный, источник данной символики: пророчество Иеремии об отделении соломы от пшеницы (см. Иер. 23, 28). По заключению немецкого филолога, именно Тертуллиану принадлежит первенство в привлечении этой библейской метафоры для опровержения ересей. Важно отметить, что этот отрывок активно используют в своей полемике и сам Августин, и его оппоненты. При рассмотрении более широкого контекста его антидонатистских проповедей необыкновенно часто всплывает образ соломы, синонимом которой являются плевелы, — все те же донатисты; им противопоставлено «доброе зерно» — правоверные христиане⁸⁶. В контексте представлений епископа о невидимой Церкви метафора переходит в сферу качественного разграничения верующих, составляющих Церковь видимую. Под соломой в таком случае понимаются грешники, что доказывает её взаимозаменяемость с плевелами в языковом инструментарии оратора⁸⁷.

Таким образом, тяготы, которые претерпевают верные, по учению Августина, оказываются спровоцированы двумя факторами.

«Пшеничные зерна являются объектом перекрёстного огня преследований изнутри (*tritura*) и снаружи (*uentilatio*)»⁸⁸.

Первый сельскохозяйственный процесс, перемалывание зерна, передаёт динамику внутрицерковного общежития, усложняемого различиями в образе жизни самих христиан; что нагнетает напряжение в их среде и неизбежно приводит к столкновениям. Прежде всего здесь подразумевается языческое окружение и языческий менталитет, который не искоренили в себе многие христиане, продолжающие жить «по плоти».

В итоге, пополнив символику мельничного жернова метафорой огня, пресса и истаптывающих зёрна воловьих ног, мы получим исчерпывающую, сугубо библейскую интерпретацию временных бедствий у блж. Августина. Под провеиванием в таком случае нужно понимать нападки язычников и донатистов. Необходимо уточнить, что два

85 *Opelt I.* Die Polemik in der christlichen lateinischen Literatur von Tertullian bis Augustin. Heidelberg, 1980. S. 63. Речь в данном случае идет о полемике с Гермогеном и Маркином: *Tertullianus. Adversus Praxean* 1, 5.

86 *Augustinus Hipponensis.* Contra Cresconium grammaticum Donatistam III, 66:76.77; *Idem.* Contra litteras Petiliani II, 46:108; *Idem.* Epistula 76, 2.

87 *Augustinus Hipponensis.* Enarratio in Psalmum 25, 2:5; *Idem.* Sermo 3, 5; *Idem.* De fide et operibus 5, 7; *Idem.* Epistula 105, 16–17; *Idem.* Retractationum II, 27.

88 *Borgomeo P.* L'Église de ce temps dans la prédication de saint Augustin. P. 319.

данных процесса, которыми, как мы видели при анализе Проповеди (sermo 111), список епископа не исчерпывается, являются, в известной мере, отражением объективной реальности,

«временного частичного суда Божия, который позднее будет явлен во всей полноте на Страшном суде, когда провеивание будет завершено»⁸⁹.

В заключение отметим также, что эту эсхатологическую перспективу проповедник называет «последней жатвой», «последним провеиванием», совершителем которого будет Сам Бог. Истоки подобной символики следует искать у свт. Киприана, который, в отличие от Августина, описывает указанный сельскохозяйственный процесс применительно к той обстановке, в которой живут христиане в его время. Его усилия также направлены на то, чтобы показать, что момент окончательного разделения зерна и соломы ещё не пришёл⁹⁰.

Заключение

Завершая рассмотрение притч и метафор сельскохозяйственного содержания, которые проходят красной нитью в произведениях блж. Августина с 392 по 418/20 гг., нужно отметить, что после конференции 411 г. они появляются не только в антидонатистских, но и в других текстах; и затрагивают теперь уже

«глубокие духовные проблемы, связанные с пониманием добра и зла, что неизбежно влечёт за собой рассмотрение вопросов о благодати и человеческих действиях»⁹¹.

Здесь уже можно довольно явственно усмотреть черты начинающейся антипелагианской полемики, связанные в первую очередь с учением о предопределении.

Так, Августин утверждает, что,

«с богословской точки зрения, Бог — это всё, а человек — лишь “прах и пепел”»⁹²,

89 Ibid.

90 Ср.: «Nemo existimet bonos de Ecclesia posse discedere: **triticum non rapit uentus**, nec arborem solida radice fundatam procella subuertit; inanes **paleae tempestate** (выделение наше. — *у. Ф.*) iactantur, inualidae arbores turbinis incursione euertuntur» (*Cyprianus Carthaginensis. De unitate Ecclesiae* 9 // PL. 4. Col. 507).

91 *Straw C. E. Augustine as Pastoral Theologian*. P. 130.

92 Ibid.

откуда следует парадокс, заключающийся в невозможности объективно судить о посмертной участи человека в соответствии с земной реальностью, в которой

«зёрна покрыты шелухой, а плевелы могут сделать неприметной пшеницу на поле»⁹³.

Акцент здесь тот же, что и в случае с двойственной природой Церкви: видимые добро или зло, исходящие со стороны человека, не могут являться гарантом его внутренней предрасположенности к ним и, следовательно, не позволяют вынести окончательное решение об избрании или осуждении его со стороны Бога. В этом и проявляется непостижимость Божественной воли, которая никогда не может быть до конца известна человеку. Интересно отметить, что здесь наш автор ещё стоит на достаточно умеренной позиции в отношении учения о предопределении, отголоски которого, несомненно, слышатся в развиваемой им аргументации. Экзегетический анализ и контекстуализация Проповеди (sermo 111) позволили нам несколько ближе соприкоснуться с этой проблематикой и подытожить некоторые важные богословские аспекты данной доктрины.

В завершение нашего исследования считаем уместным сослаться на слова американского патролога Кэрл Стру (C. E. Straw), акцентирующей внимание на вышеупомянутой Карфагенской конференции 411 г. Сам факт того, что она проводилась совместно с донатистами, указывает на важность рассматриваемых евангельских притч с точки зрения экзегетики и церковного учения как для одних, так и для других⁹⁴. Между тем, по мнению упомянутого автора, которое мы полностью разделяем, в глазах блж. Августина евангельские притчи имели «необъяснимую и поразительную силу для проповеди истинного учения о Церкви»⁹⁵.

Архивные материалы

Augustinus Hipponensis. Sermo 111: De verbis evangelii (Luc. XIII, 21–23), qui dicit [Regnum Dei est] simile fermento quod acceptum mulier abscondit in farinae sata tria // Paris. Bibliothèque National. Nouvelles acquisitions latines 1449. Fol. 62–63.

93 Ibid. P. 134.

94 См.: *Augustinus Hipponensis*. Breviculus conlationis cum Donatistis 3, 265–281 // CCL. 149/A. P. 253–257. См. выше: сн. 35.

95 *Straw C. E. Augustine as Pastoral Theologian*. P. 130.

Источники

- Ambrosius Mediolanensis*. Expositio euangelii secundum Lucam // *Ambrosii Mediolanensis* Expositio euangelii secundum Lucam / ed. M. Adriaen. Turnhout: Typographi Brepols, 1957. (CCSL; vol. 14). P. 1–408.
- Augustinus Hipponensis*. Breviculus conlationis cum Donatistis // *Augustini Hipponensis* Breviculus collationis cum Donatistis / ed. S. Lancel. Turnhout: Typographi Brepols, 1974. (CCSL; vol. 149/A). P. 261–306.
- Augustinus Hipponensis*. Contra Cresconium grammaticum Donatistam libri II–III // PL. T. 43. Col. 467–546.
- Augustinus Hipponensis*. Contra epistulam Parmeniani liber II // PL. T. 43. Col. 49–82.
- Augustinus Hipponensis*. Contra litteras Petiliani Donatistae libri I–II // PL. T. 43. Col. 245–346.
- Augustinus Hipponensis*. De baptismo contra Donatistas liber III // PL. 43. Col. 139–154.
- Augustinus Hipponensis*. De ciuitate Dei // *Augustini Hipponensis* De ciuitate Dei libri XI–XXII / ed. B. Dombart, A. Kalb. Turnhout: Typographi Brepols, 1955. (CCSL; vol. 48). P. 321–866.
- Augustinus Hipponensis*. De diversis quaestionibus ad Simplicianum // *Augustini Hipponensis* De diversis quaestionibus ad Simplicianum libri II / ed. A. Mutzenbecher. Turnhout: Typographi Brepols, 1970. (CCSL; vol. 44). P. 7–91.
- Augustinus Hipponensis*. De doctrina christiana // *Augustini Hipponensis* De doctrina christiana libri IV / ed. J. Martin. Turnhout: Typographi Brepols, 1962. (CCSL; vol. 32). P. 1–167.
- Augustinus Hipponensis*. De fide et operibus // *S. Aurelii Augustini* De fide et operibus / ed. J. Zycha. Praegae; Vindobonae; Lipsiae: F. Tempsky; G. Freytag, 1900. (CSEL; vol. 41). P. 33–97.
- Augustinus Hipponensis*. Enarrationes in Psalmos // *Augustini Hipponensis* Enarrationes in Psalmos I–L; CI–CL / ed. E. Dekkers, J. Fraipont. Turnhout: Typographi Brepols, 1956. (CCSL; vol. 38, 40). P. 1–616, 1425–2196.
- Augustinus Hipponensis*. Epistula 23 // *Augustini Hipponensis* Epistulae I–LV / ed. K.-D. Daur. Turnhout: Typographi Brepols, 2004. (CCSL; vol. 31). P. 61–67.
- Augustinus Hipponensis*. Epistula 36 // *Augustini Hipponensis* Epistulae I–LV / ed. K.-D. Daur. Turnhout: Typographi Brepols, 2004. (CCSL; vol. 31). P. 130–153.
- Augustinus Hipponensis*. Epistula 76 // *Augustini Hipponensis* Epistulae LVI–C / ed. K.-D. Daur. Turnhout: Typographi Brepols, 2005. (CCSL; vol. 31A). P. 77–80.
- Augustinus Hipponensis*. Epistula 105 // *Augustini Hipponensis* Epistulae CI–CXXXIX / ed. K.-D. Daur. Turnhout: Typographi Brepols, 2009. (CCSL; vol. 31B). P. 49–62.
- Augustinus Hipponensis*. Epistula 108 // *Augustini Hipponensis* Epistulae CI–CXXXIX / ed. K.-D. Daur. Turnhout: Typographi Brepols, 2009. (CCSL; vol. 31B). P. 65–84.
- Augustinus Hipponensis*. Epistula 111 // *Augustini Hipponensis* Epistulae CI–CXXXIX / ed. K.-D. Daur. Turnhout: Typographi Brepols, 2009. (CCSL; vol. 31B). P. 92–102.
- Augustinus Hipponensis*. Epistula 186 // PL. T. 33. Col. 815–832.
- Augustinus Hipponensis*. In euangelium Ioannis tractatus // *Augustini Hipponensis* In euangelium Ioannis tractatus CXXIV / ed. R. Willems. Turnhout: Typographi Brepols, ²1990. (CCSL; vol. 36). P. 1–688.

- Augustinus Hipponensis*. Psalmus contra Partem Donati // PL. T. 43. Col. 23–32.
- Augustinus Hipponensis*. Quaestiones euangeliorum // *Augustini Hipponensis* Quaestiones euangeliorum / ed. A. Mutzenbecher. Turnhout: Typographi Brepols, 1980. (CCSL; vol. 44B). P. 1–118.
- Augustinus Hipponensis*. Retractationes // *Augustini Hipponensis* Retractationum libri II / ed. A. Mutzenbecher. Turnhout: Typographi Brepols, 1999. (CCSL; vol. 57). P. 5–143.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 3 // Revue Bénédictine. 1974. Vol. 84. P. 250.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 4 // *Augustini Hipponensis* Sermones I–L de Vetere Testamento / ed. C. Lambot. Turnhout: Typographi Brepols, 1961. (CCSL; vol. 41). P. 20–48.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 15 // *Augustini Hipponensis* Sermones I–L de Vetere Testamento / ed. C. Lambot. Turnhout: Typographi Brepols, 1961. (CCSL; vol. 41). P. 193–201.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 31 // *Augustini Hipponensis* Sermones I–L de Vetere Testamento / ed. C. Lambot. Turnhout: Typographi Brepols, 1961. (CCSL; vol. 41). P. 391–396.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 64 // Revue Bénédictine. 1939. Vol. 51. P. 10–14.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 88 // Revue Bénédictine. 1984. Vol. 94. P. 74–101.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 96 // PL. T. 38. Col. 584–589.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 110 // Miscellanea agostiniana; testi e studi, pubblicati a cura del-l'Ordine eremitano di s. Agostino nel XV centenario dalla morte del santo dottore. Vol. 1. Roma: Tipografia poliglotta vaticana, 1930. P. 256–264.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 111 // PL. T. 38. Col. 641–643.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 112/A // Miscellanea agostiniana; testi e studi, pubblicati a cura del-l'Ordine eremitano di s. Agostino nel XV centenario dalla morte del santo dottore. Vol. 1. Roma: Tipografia poliglotta vaticana, 1930. P. 265–271.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 113/A // PL. T. 46. Col. 921–932.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 164 // PL. T. 38. Col. 895–902.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 229/C // PL. T. 43. Col. 741–744.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 245 // PL. T. 38. Col. 1151–1153.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 346/A // Miscellanea agostiniana; testi e studi, pubblicati a cura del-l'Ordine eremitano di s. Agostino nel XV centenario dalla morte del santo dottore. Vol. 1. Roma: Tipografia poliglotta vaticana, 1930. P. 640–644.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 348 // PL. T. 39. Col. 1526–1529.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 354 // PL. T. 39. Col. 1563–1568.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 63/B // Miscellanea agostiniana; testi e studi, pubblicati a cura del-l'Ordine eremitano di s. Agostino nel XV centenario dalla morte del santo dottore. Vol. 1. Roma: Tipografia poliglotta vaticana, 1930. P. 611–613.
- Cyprianus Carthagenensis*. De unitate Ecclesiae // PL. T. 4. Col. 493D–520B.
- Cypriani Carthagenensis* Epistularium. Epistulae 1–57 / ed. G. F. Diercks. Turnhout: Typographi Brepols, 1994. (CCSL; vol. 3B).
- Cypriani Carthagenensis* Epistularium. Epistulae 58–81 / ed. G. F. Diercks. Turnhout: Typographi Brepols, 1996. (CCSL; vol. 3C).

- Hieronymus Stridonensis*. Commentarius in Ecclesiasten, ad Paulam et Eustochium // PL. T. 23. Col. 1011–1116.
- Hieronymus Stridonensis*. Commentariorum in Ezechielem Prophetam libri XIV // PL. T. 25. Col. 15–490.
- Hieronymi* Commentariorum in Matheum libri IV / ed. D. Hurst, M. Adriaen. Turnhout: Typographi Brepols, 1969. (CCSL; vol. 77).
- Hilarius Pictaviensis*. In euangelium Matthaei commentarius // *Hilaire de Poitiers*. Sur Matthieu. T. I: chap. 1–13 / éd. J. Doignon. Paris: Éditions du Cerf, 1978. (SC; vol. 254). P. 90–303.
- Introduzione ai padri della Chiesa. Secoli IV e V / ed. G. Bosio, E. Dal Covolo, M. Maritano. Torino: SEI, 1995.
- Lambot C.* Le sermon CXI de Saint Augustin // *Revue Bénédictine*. 1947. Vol. 57. P. 109–115.
- Lucifer Calaritanus*. De sancto Athanasio liber II // *Luciferi Calaritani* Opuscula / ed. G. Hartel. Vindobonae: C. Geroldi Filium Bibliopolam Academiae, 1886. (CSEL; vol. 14). P. 146–208.
- Morin G.* Deux nouveaux sermons retrouvés de Saint Augustin // *Revue Bénédictine*. 1924. Vol. 36. P. 194–198.
- Optatus Milevitanus*. De schismate Donatistarum libri septem // PL. T. 11. Col. 883–1104.
- Origenes*. Commentarius in Matthaeum // *Origenes Werke X*. Commentarius in Matthaeum I / hrsg. E. Benz, E. Klostermann. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1935. (GSC; Bd. 40). S. 1–703.
- Possidius Calamensis*. Vita sancti Aurelii Augustini // PL. T. 32. Col. 33–66.
- Prudentius*. Peristephanon // *Aurelii Prudentii Clementis* Carmina / ed. M. P. Cunningham. Turnhout: Typographi Brepols, 1966. (CCSL; vol. 126). P. 251–389.
- Tavola cronologica. Opere di sant'Agostino. Nuova Biblioteca Agostiniana. Roma, 1998. [On-line edition]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.augustinus.it/italiano/discorsi/index2.htm> (дата обращения: 17.09.2021).
- Tertullianus*. Adversus Praxean // *Tertulliani Opera: opera montanistica* / ed. A. Kroymann, E. Evans. Turnhout: Typographi Brepols, 1954. (CCSL; vol. 2). P. 1159–1205.
- Tichonius Afer*. Liber de septem regulis // PL. T. 18. Col. 15–66.
- The Works of Saint Augustine. A Translation for the 21st Century. Part III: Sermons. Vol. 4 / transl. and notes E. Hill; ed. J. E. Rotelle. Brooklyn (N. Y.): New City Press, 1992.
- Августин Гиппонский, блж.* Семнадцать вопросов на Евангелие от Матфея (quaestiones XVII in Matthaeum): авторство, особенности экзегезы, полемический характер и перевод / пер. с лат., вступ. ст. иер. А. Сергеева. М.: Три сестры, 2019.

Литература

- Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976.
- Кремона К.* Августин из Гиппона. Разум и вера. М.: Дочери св. Павла, 1995.
- Bastiaensen A. A. R.* Augustin et ses prédécesseurs latins chrétiens // *Augustiniana Traiectina*. Communications presentées au Colloque international d'Utrecht. 13–14 novembre 1986 / ed. J. den Boeft, J. van Oort. Paris: Études Augustiniennes, 1987. P. 25–57.

- Berrouard M.-F.* Homélie sur l'Évangile de saint Jean. Paris: Études Augustiniennes, 1969. (Bibliothèque Augustinienne; vol. 71).
- Borgomeo P.* L'Église de ce temps dans la prédication de Saint Augustin. Paris: Études Augustiniennes, 1972.
- Comeau M.* Saint Augustin, exégète du quatrième Évangile. Paris: G. Beauchesne, 1930.
- Dictionnaire des symboles. Mythes, Rêves, Coutumes, Gestes, Formes, Figures, Couleurs, Nombres. / ed. J. Chevalier, A. Gheerbrant. Paris: R. Laffont, 1969.
- Grossi V.* La catechesi battesimale agli inizi del V sec. Le fonti agostiniane. Roma: Institutum Patristicum «Augustinianum», 1993. (Studia Ephemeridis «Augustinianum»; vol. 39).
- Markus R. A.* Introduzione generale // Polemica con i donatisti. Sant'Agostino / ed. A. Lombardi. Roma: Città Nuova, 1998. (Nuova Biblioteca Agostiniana; vol. XV/1). P. VII–XXXVIII.
- Opelt I.* Die Polemik in der christlichen lateinischen Literatur von Tertullian bis Augustin. Heidelberg: Winter, 1980.
- Poque S.* Le langage symbolique dans la prédication d'Augustin d'Hippone. Images heroïques: in 2 vols. Paris: Études Augustiniennes, 1984.
- Rocci L.* Vocabolario greco-italiano / 2^a edizione riveduta. Roma: Società editrice Dante Alighieri, 1941.
- Scorza B. F.* La parabola della zizzania in Agostino. A proposito di Quaestiones in Matthaeum 11 // Annali di storia dell'esegesi. 1988. Vol. 5. P. 215–223.
- Straw C. E.* Augustine as Pastoral Theologian: The Exegesis of the Parables of the Field and Threshing Floor // Augustinian Studies. 1983. Vol. 14. P. 129–151.
- Trapè A.* Agostino Aurelio // Bibliotheca Sanctorum. Vol. 1. Roma: Istituto Giovanni XXIII della Pontificia Università lateranense, 1962. P. 428–596.
- Verbraken P.-P.* Les fragments conservés de sermons perdus de saint Augustin // Revue Bénédictine. 1974. Vol. 84. P. 245–270.